

Опыт создания условий воспитания и развития личности

Сергей Сошинский

ИСТОРИЯ АУТИЧНОГО РЕБЕНКА*

Самосознание и личность

Чувство
отъединенности
от всех

Появился Андрюша у нас «никакой», очень трудно сказать что-нибудь о его самосознании. Он чувствовал себя отъединенным от всех. Жил где-то в своем фиктивном мире. Он в него не уходил ни от кого, а просто был в нем аморфно растворен. Уход своих родителей из нашего дома, оставление его одного у нас Андрюша как бы не заметил. Наверное, он был с родителями связан, но это не было его самосознанием, а просто фактом его жизни.

Развитие
самосознания через
причастность
к родителям

В то же время родители, род есть одно из первых самоопределений ребенка. Через причастность к родителям ребенок узнает о собственной природе, о своем праве быть. Он «законен» в мире, «потому что» у него есть родители. Тяга к родителям у ребенка определяется не только тем, что он их любит и они его любят, что с ними хорошо и они – его кормильцы, защита. Но еще и тем определяется эта таинственная тяга, что родители есть его обоснование, они – это он, они – его удостоверение на жизнь. Это глубоко личностное чувство определяется чувством собственной личности ребенка. И бегут дети из детских домов, где им, может быть, хорошо, к родителям (в том числе к алкоголикам, наркоманам), где им плохо: но там их корень, там они законны в мире. Жизнь их как бы не полна, если они не знают, откуда они, кто их родители. Это онтологическая тяга, тяга к собственному бытию, более того, тяга к

* Окончание. Начало: Развитие личности. 2006. № 1. С. 162–172; № 2. С. 177–189; № 3. С. 186–191.

собственной личности. И огромный путь должны пройти дети в своем развитии, пока найдут обоснованность своему существованию дополнительно в чем-либо иным, чем родители и род.

Работа с фотографией семьи: поиск самоидентификации

Когда Андрюшу оставляли у нас, Наташа попросила фотографию семьи. И сразу начала работать с этой фотографией. Себе мы взяли нейтральные «прозвища», чтобы не заслонять родителей: она – бабушка, я – дядя. Бабушка Наташа и дядя Сережа. На фотографии Андрюша мог узнать отца; но ни матери, ни сестры, ни брата не узнавал. Вот это и было полем работы. Как только он начал чуть-чуть оживать, как только появились первые слова, Наташа стала показывать ему фотографию и твердить: «Это твой папа... Это твоя мама... Это сестра Марина... Это брат Толя...» Действительно, как только Андрюша стал оживать, он стал искать применение словам «папа» и «мама». Очевидно, он их не помнил, так сказать, в «явном виде», во всяком случае, маму. Он не удовлетворялся фотографией, и был такой удивительный период (кажется, начало лета 1999 года), когда «мамой» он пытался считать даже меня! Тогда я удивлялся, сейчас – нет. Это был его поиск самоидентификации. Его пробуждающаяся личность требовала, чтобы у него был корень. Далеко же он отстоял от мира прежде, если теперь «маму» пробовал искать во мне! Его попытки были напрасны, мы не пошли на уступки и остались «бабушкой» и «дядей» (твердое требование Наташи).

Отождествление родителей: возникновение привязки к роду

А летом 1999 года он впервые в своем обновленном состоянии увидел отца. Тот взял его почти на месяц к себе, когда приезжал без семьи, с одной Мариной, в Москву. Хотя отец в тот раз не заметил перемен (ребенок оставался почти неговорящим), но это был ребенок в совсем другом состоянии. Женщина, ухаживавшая когда-то за ним, когда он жил у тети, говорила мне, что не могла поверить, что это он, так он изменился в своем поведении и даже в речи. И этот измененный ребенок, сознание которого открылось для поиска родителей, наконец, увидел того, кого имел полное право называть папой. Привязка рождающейся личности Андрюши к своему роду совершилась, а довершилась в следующем году, когда он увидел также и мать.

Вот выдержка из дневника следующего года (3.09.2000 г.): «21 августа мы отвезли Андрюшу родителям. Мы сильно опоздали, вошли в подъезд – вдруг по лестнице топот: сбегает Марина. Она не ожидала увидеть Андрюшу, но, увидев, сразу узнала и встала на ступеньке как вкопанная.

Я показал ее Андрюше:

– Кто это?

– Мальчик, – ответил Андрюша и отвернулся.

В это время подъехал лифт, из него вышли отец, мать и Толя: они направлялись в ближайший магазин. Произошла немая сцена: Ирина замерла, глядя на Андрюшу. Она не видела его больше полутора лет. Андрюша был занят своим и не обращал ни на кого внимания.

– Это мама, – сказал я, слегка подтолкнув его. Андрюша подошел к ней, вывернулся и подошел к отцу.

Мы с Наташей сели в лифт, все остальные поднялись по лестнице. Перед дверью квартиры снова сцена: Ирина смотрит на сына, то ли не зная, как к нему подступиться, то ли не зная, что с ним делать. А Андрюша все так же сам по себе. Тогда я его взял на руки и со словами: «Это твоя мама», – воткнул в руки матери. Они обнялись. Но через минуту Андрюша опять оказался на полу и занят сам собой, и все пришлось повторить. Потом Андрюша освоился с ситуацией и сказал нам с Наташей (о себе же в третьем лице):

– До свидания... А Андрюша дома. Это значило: идите, – я остаюсь».

В то пребывание в отчей семье окончательно закрепились у Андрюши сознание его корней. Теперь он знал: кто он такой, кто его семья и почему у него другая фамилия, не как у всех нас. Фамилией своей с тех пор он очень дорожит и ни за какие конфеты не согласен менять ее, даже в шуточном разговоре, на нашу. Фамилия свидетельствует, что где-то далеко у него есть его корень, его родная семья. В мире есть тайна его, Андрюшиной, жизни, есть ключ к этой тайне, есть святое, которое придает всему смысл.

Все это и были шаги в развитии самосознания и личности Андрюши.

Он не изменял своей семье никогда, проявлял постоянство и, я бы сказал, благородство. Если бы не его болезнь, много прекрасных своих качеств он бы раскрыл: в нем есть постоянство, благородство, доброта...

Его семья находится в глубине его сердца, как сокровище на дне, я бы сказал, как его собственное Я. Вот выдержка из дневниковых записей (16.05.2002 г.): «Андрюша был в постели. Я взял ручку и лист и спрашиваю:

– Кого нарисовать? Андрюшу с папой? Или Андрюшу с дядей Сережей (то есть, со мной)?

– Андрюшу с папой... и сестра Марина...

– Хочешь, я нарисую Андрюшу с дядей Сережей?

– Нет, Андрюшу с папой. И сестра Марина. И Толя. И мама...

Закрепление в
сознании своих
корней

Прорисовка образа
семьи

И тут лицо Андрюши изменилось и как бы засветилось изнутри. Светлейшая, как о сокровенном и святом, улыбка коснулась и осталась на лице Андрюши...

– И брата. – Договорил он. Так и лежал с этой тихой, нежной улыбкой.

– О чем ты думаешь? – спросил его я.

– Я думаю... Что? Я думаю... Что? Не знаю...

Он не понял вопроса, не мог ответить. Слишком непредметно я спросил. Зато я хорошо понимал, о чем, о ком он думает. И так он с этой светлейшей улыбкой и заснул...».

«Я – Андрюша –
хороший мальчик...»

Естественно, развитие самосознания не определялось лишь отношением к семье. О нем свидетельствовали и другие факторы. Например, использование местоимения «я». Когда Андрюша начал говорить, он говорил о себе в третьем лице, как все маленькие дети: «Анюса хочет...» В этом отражалась бесформенность, неотчетливость, бессознательность выделения себя из мира, недостаток сознания своего Я (помимо того, что так его называют другие). К слову «я» мы стали приучать его с осени 1999 года, но довольно долго он не понимал его, как не понимал и другие свои характеристики. «Андрюша, ты хороший?» – «Хороший». «Ты плохой?» – «Плохой». (Это в точности в те же месяцы.) «Ты девочка или мальчик?» – «Мальчик». «Ты мальчик или девочка?» – «Девочка».

Местоимение «я» постепенно начало вытеснять в разговорах Андрюши третье лицо лишь с начала 2000 года. И это произошло одновременно с пониманием других отношений. «Андрюша, ты плохой?» – «Плохой... Не... Не плохой... Не-зя так делать» (то есть нельзя говорить это слово). «А бабушка плохая?» – «Ни-зя так... Не плохой... Ни-зя так делать – плохой». «Как же сказать: бабушка хорошая?» – «Хорошая». Вытеснение третьего лица первым было долгим процессом.

Детский анимизм

Из дневника: «1.04.2000 г. Андрюшу с осени пытаемся приучить говорить о себе в первом лице – «я». Сейчас, наконец, начинает получаться: вперемешку то «я», то «Андрюша». С лета 2000 года он уже четко применял «я». Но еще долго он путался в перемене «я» и «ты» в отношении собеседника. Это смешение местоимений означало не простой дефицит сознания, но возникшее понимание, что и другой есть «я». У Андрюши начался период переноса на внешний мир своих внутренних состояний. В частности, восприятие неживых предметов как если бы они были живые, могли хотеть, действовать и т.д. – своего рода детский анимизм.

Это одушевление природы, смешение живого и неживого свойственно всякому ребенку раннего возраста. В этом нет удивительного. Ребенок понимает, что сам есть действующая и желающая единица. Он понимает, что и все вещи имеют свой характер, каждая свою тайну. Понимает и то, что помимо его Я существует много других Я. Сумму этих пониманий он и выражает в своем одушевлении всего мира. Мой сын Иван (теперь уже взрослый) когда-то, на излете своего детского периода одушевления мира, когда уже различал живое и неживое, однажды выдал мне целую мифологическую космологию (наполовину всерьез, наполовину – в качестве творческой импровизации), что огонь живой и звезды, и солнце. Что небо родило солнце и луну, а от них родились звезды и т.д. Он не был знаком ни с какими мифологиями.

Вот и Андрюша к лету 2000 года начал одушевлять предметы мира. Это означало не только развитие его сознания, но и то, что скорлупа его аутизма, замыкавшая его от всего другого, живого, стала давать трещины, и он смог и захотел жить в мире одушевленных вещей. «Ластик, ты плохой!» – скажет он чем-то провинившемуся ластик 9.04.2000 г. И этот период продлится долго. И это, кроме прочего, будет означать, что его аморфное Я, погруженное в себя, становится способным жить среди живых реальностей мира, приобретает новое измерение. Это выглядело, порой, смешно, совсем не «философски», как я тут расписал, но значило, по-моему, именно это. Андрюша мог что-то вдруг сказать неживой природе – ветру или лесу, или, рассердившись, побить неживой предмет, сердито выговаривая ему, например, что тот «дурак». И это длилось долго и, пожалуй, закончилось только к началу 2003 года. Кажется, только теперь он понял кардинальное отличие живого от неживого.

Но еще осенью 2002 года, когда я забивал молотком гвоздь, Андрюша вдруг спросил меня: «А гвоздю не больно, когда его бьешь по голове?» «Нет, – сказал я, – а что?» Андрюша, как бы раздумывая и удивляясь, ответил: «А мне было больно, когда меня Женя молотком по голове...». – «Когда такое было?!» Андрюша ответил что-то невнятное, и, чтобы проверить реальность такого нетривиального происшествия, я спросил: «Что же бабушка сказала Жене?» – «Он сказал*: обалдел совсем?!» Очевидно, происшествие имело место. Ведь у Андрюши удивительная память: несмот-

* «Он сказал» – бабушка сказала: Андрюша путает женский и мужской род.

От всеобщего одушевления мира к разделению живого от неживого

ря на то, что описанный случай два года не вспоминался ни в одном разговоре с Андрюшей, в июне 2004 года он вновь повторил мне его дословно. Впрочем, и происшествие было, видимо, из незабываемых.

Наказание
предметов

По «раздумью» Андрюши видно, что его удивляет, почему гвоздю не больно, когда его лупят по голове, а Андрюше было больно. Вопрос этот был для него еще не решен, но поставлен. В то же лето, свалившись однажды со ступеньки дома и ударившись, Андрюша стал бить ступеньку ногой и кричать: «Ты дурак, лестница!» Весной он так же лупил свой велосипед и так же кричал «Дурак!», когда упал вместе с велосипедом в лужу. Наташа пыталась выудить Андрюшу из лужи, но он снова лез в нее, чтобы побить велосипед и, между прочим, лужу тоже. Таких случаев было много: когда испугался приближения черной тучи, то закричал ей: «Уходи, туча!» И т.д.

Осознание: неживое
не чувствует

Только в начале 2003 года он, наконец, твердо понял: неживое не чувствует. Ему не больно, оно не может думать, оно не отвечает. И это не только развитие сознания Андрюши, но и развитие самосознания. Потому что он-то чувствует и отвечает. И еще – это условие понимания состояния других людей. Ведь пока Андрюша не понимал, что лужа, велосипед, ступенька – бей их или не бей – не чувствуют и не понимают ничего, был ли он способен понимать реально существующие мысли и переживания других людей? Но такое непонимание их есть характерная черта аутизма.

Актуализация
анимизма в
состоянии страха

Впрочем, и до сих пор, несмотря на то, что давно знает: неживое не чувствует, страх способен притуплять сознание различия одушевленного и неодушевленного. Боясь грозовой тучи, Андрюша и в 2004 году может крикнуть ей: «Дурак, туча! Уходи! Я тебя сломаю!» Более реалистичное сознание мира закрыло лишь поверхность более архаичного анимизма, но не вытеснило полностью. В состоянии страха архаика способна «подниматься» и проявляться. Да и непереносимый страх перед тучей является, видимо, прорывом архаических переживаний Андрюши из области аутизма и бессмысленности.

От избегания
игрушки к игре
с ней

Интересно его отношение к плюшевым игрушкам. Почти весь период, пока Андрюша одушевлял природу, он не любил, избегал плюшевых мишек. Сначала он их игнорировал, не воспринимал никак, а потом стал сторониться. Попытки приучить его не удавались. Он их явно боялся. Однажды он сказал плюшевому мишке: «Не смотри на меня!», – и затем опрокинул его. Андрюша вообще долго боялся обращенного на него внима-

тельного взгляда. Он не выдерживал и прятался, и Катя, зная эту слабость, порой нарочно его «доводила», уставившись на него. Андрюша пугался во взгляде чуждой стихии другого человека. И опять, только недавно, с перерастанием уровня одушевления природы, Андрюша стал класть в свою постель плюшевого мишку. Теперь он его полюбил как игрушку и порой разговаривает с ним, как бы с живым, прося меня отвечать за плюшевого собеседника. Теперь это игра.

«Я – человек!»

Этапы развития его самосознания отразились еще и в других моментах. Например, в появлении обидчивости, которой прежде не было, потому что он не понимал ни других людей, ни уязвимости своего Я. Также и в появлении «трансцендентных», неопределенных, страхов, не тех, первых, аутичных, с которыми он пришел, а тех, которые бывают у детей после трех лет, и обусловленных зарождением абстрактного мышления. Затем, с какого-то момента, Андрюша понял свой статус человека и свое отличие от любого животного. Он даже мог как-то объяснить это отличие. В ответ на провокацию: «Скажи, что ты собачка!», или: «Помяukai, и я дам конфету!», – он отказывается от конфеты и не без гордости отвечает: «Я не собака, не кошка – я человек!»

Я не буду касаться этих и других ступенек, расскажу лишь один случай, произошедший в июле 2001 года, как мне кажется, важный для становления самосознания и личности Андрюши.

«Я боюсь»

Я с ним пошел в магазин и захлопнул дверь, не взяв ключа. Мы живем на «полуторном» этаже, высоком первом, низком втором. Чтобы попасть в квартиру, я осмотрел окна: они были заперты, кроме одной форточки, метра в четырех над землей. Я мог подождать, когда с работы придет сын, но решил по-другому. Принес лестницу, метра два, с нее можно было перебраться на выступ трубы, оттуда на подоконник, и форточка станет доступна. Но не для меня – из-за габаритов. Я обратился к Андрюше: «Поможешь? Влезешь в окно? Я тебе помогу». «Боюсь!» – закричал Андрюша и отбежал от меня подальше, чтобы я его не мог достать. Андрюша очень боязлив и собою дорожит чрезмерно. Это одна из загадок его состояния: как связаны между собой его аутизм, его боязливость и отсутствие поисковой активности. «Чего ты боишься? Я помогу тебе!» – «Боюсь, упаду!» – сказал Андрюша сквозь вой и отбежал еще дальше.

Я демонстративно сел на низкую газонную ограду напротив окна, подождал, пока Андрюша притихнет,

и попросил подойти ближе, чтобы поговорить. Когда он с опаской подошел, я предложил ему сесть рядом, обещая, что не трону его. Он сел. Потом я сказал: «Видишь, я забыл ключи, и мы не можем войти в дом. Как мы будем кушать? Где будем спать? Только ты можешь влезть в ту открытую форточку, я толстый, я не пролезу. Я тебя не буду трогать, но только ты можешь помочь». Я, конечно, хитрил: через полтора часа должен был прийти сын. Но случай был благоприятный, хотелось воспользоваться. «Ну что, поможешь мне?» — я просил, а не заставлял. Андрюша долго молчал, вдруг сказал: «Я пойду», — и встал.

«Я пойду»

Затем мы лезли по лестнице, стояли на трубе, взбирались на подоконник. Четыре метра — это много для ребенка, и Андрюша крайне неловок. Ему становилось страшно, и несколько раз он принимался выть, но потом набирался храбрости, и мы добрались до окна. Здесь его ждало испытание: он должен был на этой высоте довериться моим рукам. Я поднял его, посадил на форточку, как-то развернул и спустил внутрь, в квартиру. Когда я слез и дошел до дверей, они были открыты, Андрюша ждал меня.

«Я помог»

И как же он был рад своему поступку: «Это я открыл дверь! Это я помог!» Он отлично понял, что сегодня было не так, как всегда, когда взрослые что-то от него требуют, а он беспомощен и слаб. Но сегодня я, взрослый, нуждался в его помощи, и он мне помог. Он сделал то, чего не мог сделать я.

Он как-то весь изменился в тот день, словно выросло его детское человеческое достоинство. Для меня же главным был момент его решения. Когда он сидел около меня и колебался, боялся, а потом встал и сказал: «Я пойду!», я понял, что в Андрюше появилось то, что позволяет от дрессировки постепенно переходить к воспитанию, в том числе нравственному. В нем стало ощутимо его Я, которое могло принять разумные доводы и могло, соответственно его уровню, действовать, поступать и даже принуждать себя.

Свой день рождения

В тот год в сентябре мы впервые праздновали его день рождения, исполнение его мнимых пяти лет (на самом-то деле — семи), и он впервые сознательно воспринял это. У него, как и у других, есть свой день рождения! Он задувал пять свечей, дети пели выученную известную песню: «Когда ты счастлив сам, счастьем поделись с другим!» И какая красота была — в одновременно робком и сияющем лице Андрюши! В тот год мы подарили ему велосипед.

Несколько заключительных слов

Обогатить семью

Принять ребенка в семью – значит обогатить семью, если между взрослыми есть понимание. До революции это была не редкость, я бы сказал, норма поведения, если обстоятельства так сложились. Мой прадед вырастил, кажется, пятерых оставшихся сиротами детей из двух или трех семей. Он был полицейский пристав и видел много несчастий вокруг. Сам же он был отнюдь не без серьезных недостатков, – но было другое время, другие нормы. Интересно, что его поступок симметрично вернулся к его сыну, моему деду. Когда его в январе 1929 года с четырьмя детьми вывели из собственного дома на мороз: иди куда хочешь, дом же опечатали, не кто-нибудь иной, а одна из бывших сирот, воспитанных его отцом, приютила их всех в своей единственной комнате. Так поступок отца помог сыну.

Понятие «чужие дети» иллюзорно

Это теперь такие случаи – редкость, но и просто дети в семье – «редкость»: один – два. И семья теперь кончается там, где кончаются стены моей квартиры. Андрюша научил меня тому, что понятие «чужие дети» иллюзорно. Ребенок «чужой», поскольку мы его внутри себя делаем таким, мы блокируем его превращение в «своего». Но нет настоящей, глубинной границы между «чужим» и «своим» ребенком, эта граница неба не достигает. Взятый ребенок способен внести в семью новые измерения, а в некоторых случаях, и новый шанс для семьи. Но воспользуемся ли мы этим шансом? – остается проблемой.

Как было бы хорошо, если бы хотя бы для нас, православных, эта норма возобновилась, и мудро, не без разума, мы брали бы в семью детей. Конечно, это значит: взять проблемы. И брать ребенка надо с пониманием и готовностью, что наша собственная жизнь должна измениться, по-другому быть не может. Чем-то из привычной жизни придется жертвовать, и в делах, и дома: только это и означает – дать место ребенку, иначе лучше его не брать. И когда вырастет ребенок, он может сказать: «Вы чужие». Но даже и это не может, не должно делать его чужим для нас. И родные дети нередко говорят так родителям (не словом, так делом), и все же, через боль, они остаются нашими детьми.

Помощь больному ребенку – образ жизни

Хочется сказать о воспитании больного ребенка. Больной ребенок – очень важный член семьи. Помощь ему – это образ жизни, а не «исполнение обязанностей». Нельзя помочь ребенку с серьезными психиче-

скими проблемами, если не найти для себя в этом новую цель, если не всей жизни, то ее значительной части. Это бывает непросто для людей, имеющих свое дело, любимую специальность и т.д. В то же время необходимо сохранить равновесие и «не заикнуться» на болезни ребенка. Очень важно занятия с больным ребенком превратить в творческое дело, а не просто работать по долгу или, даже, любви. Для любви место найдется, когда придется чем-то жертвовать. А творчество окрыляет, оно изобретательно. Наташа отнеслась к делу творчески, только поэтому удалось сдвинуть Андрюшу. Надо знать, что занятия с больным ребенком могут дать взрослому очень многое: пищу его сердцу, и пищу уму, и пищу духовную. Для меня, помимо несомненного педагогического интереса и обычного человеческого, общение с Андрюшей оказалось плодотворным для мысли. Возникло много вопросов интеллектуальных, нравственных, духовных, которые иначе я бы никогда перед собой не поставил. Поэтому могу сказать, что общение с Андрюшкой меня обогатило, многое дало. По моей склонности оказалась и отдача. А вот, например, Сергей Колосков, когда у него родилась дочка с синдромом Дауна, нашел себя не только в педагогике, но полностью изменил направление своей жизни и организовал, вероятно, первую в нашей стране ассоциацию родителей больных детей «Даун-синдром». Так окупается творческий подход к вопросам помощи больному ребенку в семье. Не только мы даем ему что-то, но и он дает нам.

Но главное, что он дает, находится в мире духовных ориентиров. У нас меняется шкала того, что важно и что менее важно в жизни. Мы начинаем жить в мире, в котором больным детям, в том числе, психически больным детям, есть место, начинаем понимать, что душа не то же, что интеллект, и что существует Божий взгляд на больного ребенка, который отличается от нашего человеческого.

Наш опыт работы с аутичными детьми мал (один ребенок), но, кажется, он приводит к выводу, что болезнь ребенка связана со всей семьей. И именно с семьей надо работать. Но поскольку убрать из среды ребенка сигналы, провоцирующие его аутизм, крайне не просто (все идет на бессознательном уровне), я не могу исключить и такой вариант, который сработал у нас: помещение ребенка на длительное время в другую семью, где с ним непременно должны работать.

В нашем случае присутствие здоровых детей в семье помогало работать с Андрюшей, но это потому только, что общение детей с аутистом находилось под

Болезнь ребенка
связана со всей
семьей

постоянным контролем. Недопустимо ввести в детский коллектив социально незащищенного ребенка и оставить его без помощи взрослого.

Вероятно, возможен и такой экзотический вариант, как обмен на длительное время двух аутичных детей между двумя семьями. Но это очень трудно реализовать, ведь надо не просто «поместить» ребенка, но и работать с ним. Возможно также, что подобно тому как есть семейные детдома, могут появиться семьи, берущие к себе аутичных детей и работающие с ними несколько лет. Конечно, трудности любых таких проектов очевидны. Ясно лишь, что с аутичным ребенком надо работать не от случая к случаю, а непрерывно, в самом быту. Ребенка необходимо погрузить в лечащую среду, которую должны создать либо родители, либо те, кто их замещает, либо детское учреждение, – но не холодная больница, а что-то другое, подобное семейному приюту, где достанет у взрослых любви к ребенку и самоотверженности. Без этого здесь ничего не сделаешь. Таков наш опыт. В остальном я могу лишь повторить о необходимости отдачи воспитателем своей энергии, и о том, что часто выводить больного ребенка из его состояния приходится силой, против его желания.

Начинать работать с аутичным ребенком нужно как можно раньше

О самом Андрюше скажу следующее. Во-первых, наш опыт подтвердил известное правило, что начинать работать с аутичным ребенком надо как можно раньше. С Андрюшей время было упущено. Начинать работать в четыре года уже во многом поздно и трудно. Отсюда эта половинчатость всех результатов. Второе – Андрюшино состояние возникло на органическом фоне. Об этом свидетельствуют не столько результаты ЭЭГ, РЭГ и Эхо-граммы, сколько особенности ступней, походки, спутанность, нечеткость линий ладоней и т.д. Все свидетельствует о наличии некоторого отклонения от нормы. Эти отклонения требуют медикаментозного лечения, но нащупать правильный путь здесь непросто. Препараты, улучшающие мозговое кровообращение, обменные процессы мозга, давали положительный результат, более специальные, психотропные – скорее, отрицательный. Наташа видит пользу от проведенных курсов гомеопатии.

Резервы педагогики значительны

Но наш опыт свидетельствует и о том, что резервы педагогики значительны. «Интенсивная педагогика» (я бы так это назвал) способна в какой-то мере влиять на органику ребенка, отчасти корректировать органические поражения. Многозначительным для меня символом этого является факт: после трех лет жизни у нас Андрюши я обнаружил, что исходный хаос линий на

его руке стал в какой-то мере упорядочиваться. Не то чтобы линии переменились, но прежде едва намеченные, состоящие из отдельных фрагментов, теперь прорезались четче и определеннее. В итоге их узор стал правильнее. Я не пытался и не буду пытаться ни исследовать, ни анализировать это явление. Я привожу это, чтобы показать, что даже такие «телесные» характеристики, как линии ладони, могут меняться под влиянием изменившейся жизни.

